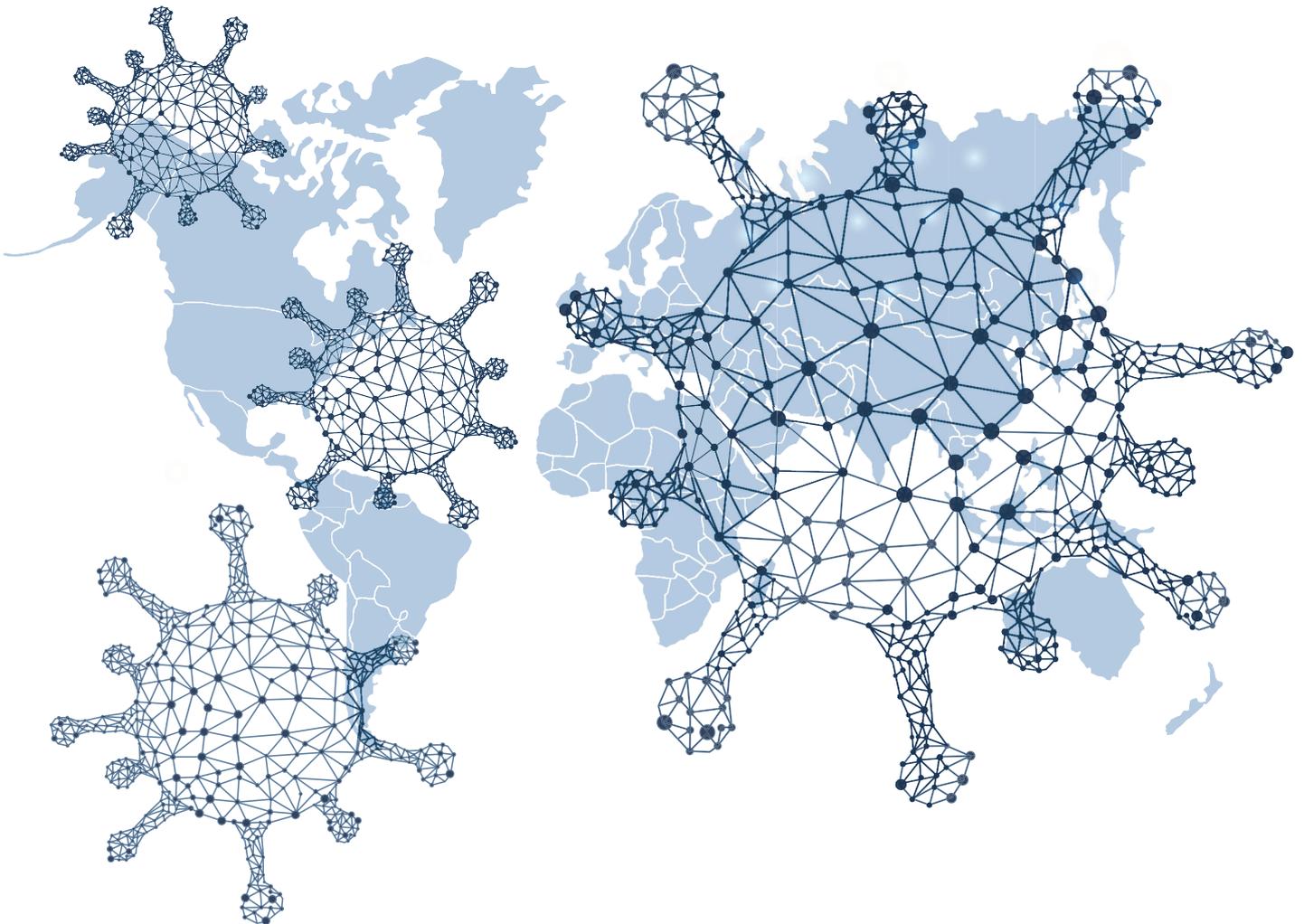

ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫХ
И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ, ВЫПУСК 4

Москва 2020

О ЦЕНТРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Центр международных и сравнительно-правовых исследований — некоммерческая неправительственная организация, специализирующаяся на исследовании значимых для Российской Федерации вопросов права.

Проводя комплексные практико-ориентированные исследования и обсуждения с привлечением ведущих российских и иностранных экспертов — специалистов из разных отраслей знаний, Центр способствует диалогу власти, бизнеса и экспертного сообщества и реализует проекты, направленные на популяризацию изучения международного права.

Центр оказывает экспертную поддержку российским делегациям в международных организациях (ISA, UNIDROIT и др.), в качестве наблюдателя принимает участие в работе UNCITRAL.

Также Центр является организатором ежегодной премии для молодых юристов за лучшую научную работу «Международное право в XXI веке», проводит Летнюю Школу по международному публичному праву для граждан России и других государств — участников СНГ с привлечением ведущих мировых специалистов в области международного права.

Постоянно пополняемая библиотека Центра предоставляет доступ к классическим и современным печатным изданиям по международному публичному и частному праву, сравнительному правоведению на различных языках, а также к иностранным и российским электронным правовым базам.

Центр — это пространство знаний, компетенций и диалога по вопросам права.

Кадашёвская набережная, д.14, к.3
г. Москва, Россия, 119017

+7 495 640-65-65
info@iclr.ru www.iclr.ru

ОПИСАНИЕ

Центр международных и сравнительно-правовых исследований представляет четвёртый выпуск обзора публикаций учёных и практиков, а также различных документов, подготовленных межправительственными и неправительственными организациями, по тематике, связанной с распространением COVID-19 и различными аспектами международного права. В настоящем обзоре представлены материалы, которые не вошли в обзоры от 28 апреля*, 28 мая 2020 года** и 28 июня 2020 года***, а также новые публикации, вышедшие в период с 28 июня по 28 октября 2020 года.

В рамках соответствующих публикаций и документов освещаются вопросы, связанные с международной ответственностью государств, правом международной безопасности, международным сотрудничеством, международным экологическим правом, правами человека, международным трудовым правом, миграционным правом, правом Всемирной торговой организации, включая вопросы в сфере интеллектуальной собственности, а также морским правом. «Отраслевое» деление рассматриваемых вопросов достаточно условно: оно осуществлено главным образом для удобства читателя.

Обзор не является исчерпывающим в связи с постоянным выходом новых материалов. При этом он не представляет собой аналитический материал и носит информационный характер.

Настоящий обзор также включает Приложение, в котором представлены общие выводы по четырём обзорам публикаций «COVID-19 и международное право», подготовленным Центром.

---

* Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. URL: http://iclr.ru/files/pages/research/papers/ЦМСПИ_COVID19-и-международное-право.pdf.

** Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 2. URL: http://iclr.ru/files/pages/research/papers/ЦМСПИ_COVID19_и_международное_право_выпуск_2_РУС.pdf.

*** Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 3. URL: http://iclr.ru/files/pages/research/papers/ЦМСПИ_COVID-19-и-международное-право_Выпуск-3.pdf.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
I. Международная ответственность государств	7
II. Право международной безопасности	9
III. Международное сотрудничество	14
IV. Международное экологическое право	17
V. Права человека	18
VI. Международное трудовое право	24
VII. Миграционное право.	25
VIII. Право ВТО	26
IX. Морское право и связанные с ним вопросы	29
Приложение. Общие выводы по обзорам публикаций «COVID-19 и международное право» (Выпуски 1–4)	30

ВВЕДЕНИЕ

---

1. Продолжает обсуждаться возможность привлечения Китая к ответственности за нарушение статей 6 и 7 Международных медико-санитарных правил 2005 года (далее — «**ММСП**»). Однако ввиду маловероятности решения данного вопроса в рамках Международного Суда акцент делается на возможности использования обязательной процедуры урегулирования споров, предусмотренной Конвенцией о международной гражданской авиации 1944 года (далее — «**Чикагская конвенция**») (пп. 10–14). Также внимание обращается на форс-мажор, обстоятельство, исключающее противоправность деяния в соответствии со Статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года (далее — «**Статьи об ответственности**») (пп. 15–16).

2. Внимание обращается на принятую Советом Безопасности ООН (далее — «**СБ ООН**») резолюцию № 2532 об угрозе COVID-19 международному миру и безопасности и её последствия (пп. 17–21). Кроме того, по-прежнему выражается озабоченность по поводу кибератак, целью которых стало получение информации, связанной с разработкой и испытанием вакцины от COVID-19, и проводится анализ соответствия таких атак международному праву (пп. 22–25). Обращается внимание на возникновение новых направлений деятельности террористов, обусловленных принятием мер по борьбе с COVID-19 (пп. 26–30).

3. Несмотря на отмечаемую важность кооперации между государствами в борьбе с COVID-19 (п. 31), подчёркивается её недостаточный характер и даже иллюзорность (п. 32), объясняемая, в первую очередь, тем, что меры по борьбе с коронавирусом принимаются, прежде всего, на национальном уровне (п. 33). В контрасте с несостоятельностью международных органов в принятии эффективных мер реагирования на пандемию (п. 34) приводится пример Европейского союза, нашедшего пути для принятия скоординированных мер и объединения ресурсов в целях обеспечения быстрых и непрерывных поставок критически важных товаров (пп. 35–37). Отмечается, что в соответствии с международным правом прав человека обязанность по международному сотрудничеству возлагается не только на государства, но и на частных акторов (п. 38).

4. Внимание уделяется недостаткам Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, 1973 года в регулировании такой торговли и необходимости её реформирования для предотвращения возникновения следующей пандемии (пп. 39–40).

5. Указывается на исключительную важность права на здоровье и необходимость уточнения толкования его содержания для более эффективного решения проблем в сфере здравоохранения (пп. 41–43). В то же время подчёркивается, что деятельность правозащитных организаций является более полезной в области защиты гражданских и политических прав человека, нежели социальных, экономических и культурных (п. 44). Также отмечается, что пандемии подобного рода легитимизируют репрессивное поведение государств — в этой связи выражается обеспокоенность возможным увеличением числа нарушений прав человека (п. 45). Кроме того, в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — «**ЕКПЧ**») рассматриваются позитивные обязательства государств-членов по защите прав человека (пп. 46–49), а также анализируется необходимость отступления государств Совета Европы от положений ЕКПЧ в чрезвычайных ситуациях (пп. 50–53). Обсуждается проблема соблюдения прав человека

частными компаниями, привлекаемыми государствами для оказания услуг населению (пп. 54–57). В этой связи указывается на обязанность соблюдения частными компаниями обязательства должной осмотрительности (пп. 58–59). Ввиду необходимости регулярного и тщательного мытья рук в условиях пандемии особое внимание уделяется праву на воду (пп. 60–61). Также обращается внимание на онлайн-встречу судей региональных судов по защите прав человека, в рамках которой обсуждалась практика государств по использованию пандемии в качестве предлога для злоупотребления государственной властью, в том числе невыполнение государствами обязательств по обеспечению определённых экономических, социальных и культурных прав (пп. 62–64).

6. В рамках международного трудового права отмечается важность социального диалога между работниками, работодателями и государством в борьбе с последствиями пандемии COVID-19, а также приводятся примеры его реализации (пп. 65–66).

7. В контексте миграционного права указывается на сложности, с которыми сталкиваются мигранты в условиях пандемии COVID-19, а также на проблему обеспечения безопасности мигрантов при их трансграничной мобильности после окончания пандемии (пп. 67–69).

8. Право Всемирной торговой организации (далее — «ВТО») затрагивается в рамках мер, принятых государствами в целях возобновления торговли медицинскими товарами для борьбы с пандемией (пп. 70–72). Внимание также обращается на уязвимость микро-, малых и средних предприятий в условиях пандемии COVID-19 и меры их поддержки (пп. 73–74). Кроме того, обсуждается система защиты интеллектуальной собственности, в частности, анализируются статьи 31 и 73 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее — «ТРИПС»), используемые для обеспечения доступа населения к лечению от COVID-19 (пп. 75–78).

9. Обращается внимание на вызванную пандемией проблему задержек в смене состава экипажей кораблей, которая представляет собой риск для благополучия экипажа судна и безопасности морской торговли. В связи с этим государствам даются рекомендации по обеспечению безопасных смен экипажей судов и поездов во время пандемии COVID-19 (пп. 79–81).

I. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

---

10. С начала распространения COVID-19 среди юристов-международников широко обсуждалась возможность привлечения Китая к ответственности за нарушение статей 6 и 7 ММСП¹. Однако ввиду того, что вероятность признания Китаем обязательной юрисдикции международных судов и трибуналов крайне мала, внимание обращается на обязательную процедуру урегулирования споров, предусмотренную Чикагской конвенцией².

11. В частности, в случае возникновения спора в отношении толкования или применения Чикагской конвенции, который не был разрешён посредством переговоров, Совет Международной организации гражданской авиации (далее — «ИКАО») правомочен выносить по нему решение, которое может быть обжаловано в Международном Суде или третейском суде *ad hoc*³. Отмечается, что данный механизм урегулирования споров может обеспечить юрисдикционную основу для соответствующих претензий к Китаю, являющемуся участником Чикагской конвенции⁴.

12. Подобные претензии, как указывается, могут возникнуть в рамках статьи 14 Чикагской конвенции, которая предусматривает, что «каждое Договаривающееся государство соглашается принимать эффективные меры в целях предотвращения распространения посредством аэронавигации холеры, тифа эпидемического, оспы, жёлтой лихорадки, чумы и таких других инфекционных болезней, которые время от времени определяются Договаривающимися государствами»⁵. Отмечается, что к таким болезням может быть отнесён и COVID-19⁶.

13. Обязательство в рамках статьи 14 следует рассматривать в сочетании со стандартами и рекомендуемой практикой ИКАО, содержащимися в Приложении 9 к Чикагской конвенции. Параграф 8.12 данного Приложения гласит: «Договаривающиеся государства должны соблюдать соответствующие положения Международных медико-санитарных правил (2005) Всемирной организации здравоохранения» (далее — «ВОЗ»)⁷.

14. Таким образом, если Китаю вменяют нарушение положений статей 6 и 7 ММСП об обязанности своевременного уведомления ВОЗ о чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, то статья 14 Чикагской конвенции и Приложение 9 наделяют Совет ИКАО юрисдикцией для рассмотрения данной ситуации и принятия по ней решения⁸.

---

¹ См. Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. С. 7–8. П. 8–16; Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 2. С. 7–8. П. 10–15; Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 3. С. 6. П. 6; см. также *Wong M.* The Law of State Responsibility and the Covid-19 Pandemic // Covid-19, Law and Human Rights: Essex Dialogues (School of Law and Human Rights Centre, University of Essex) / ed. by C. Ferstman, A. Fagan. Colchester: University of Essex, 2020.

² *Huremagić H., Kainz F.* COVID-19, China and International Aviation Law: A ticket to The Hague? URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-china-and-international-aviation-law-a-ticket-to-the-hague/>.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. Выделение наше. — ЦМСПИ.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

15. Некоторые из мер, принятых государствами в интересах общественного здравоохранения и экономической безопасности в связи с распространением пандемии COVID-19, послужили поводом для претензий со стороны иностранных инвесторов⁹. Как и в публикациях, вошедших в обзор от 28 апреля 2020 года¹⁰, внимание в данном контексте уделяется анализу применимости обстоятельств, исключающих противоправность деяния в соответствии со Статьями об ответственности; в частности, более подробно исследуется возможность ссылки государств на статью 23 (форс-мажор)¹¹.

16. Отмечается, что в рамках указанной статьи государство должно доказать, что обстоятельства, вынудившие его нарушить международные обязательства, не обусловлены поведением самого государства и не могли быть им предвидены¹². На основе анализа практики разрешения арбитражных споров между инвестором и государством¹³ делается предположение о том, что суды склонны отвергать ссылку на форс-мажорные обстоятельства в оправдание принятых мер¹⁴. Указывается, что на практике существует достаточно высокий порог для применимости статьи 23, который лишает возможности ссылаться на данное положение в оправдание мер, принятых в связи с COVID-19¹⁵.

---

⁹ См., например, *Sanderson C. Mexico Faces Potential Claims over Pandemic Response*. URL: <https://globalarbitrationreview.com/article/1227136/mexico-faces-potential-claims-over-pandemic-response>; *Sanderson C. Peru Hit with Claim by Road Concessionaire*, *Global Arbitration Review*. URL: <https://globalarbitrationreview.com/article/1227863/peru-hit-with-claim-by-road-concessionaire>.

¹⁰ Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. С. 9–10. П. 20–24.

¹¹ *Josh R. Force Majeure under the ILC Draft Articles on State Responsibility: Assessing its Viability Against COVID-19 Claims*. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/24/force-majeure-under-ilc-draft-articles-state-responsibility-assessing>.

¹² *Ibid.*

¹³ См. ICSID. *Autopista Concesionada v. Republic of Venezuela*. Case No. ARB/00/5. Award of 23 September 2003. Para. 118; ICSID. *RSM Production Corp v. Central African Republic*. Case No. ARB/07/02. Award of 7 December 2010. Paras. 180, 185.

¹⁴ *Josh R. Op cit.*

¹⁵ *Ibid.*

II. ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

17. 1 июля 2020 года СБ ООН единогласно принял резолюцию № 2532¹⁶. Указывая, что «беспрецедентный масштаб пандемии COVID-19 может поставить под угрозу поддержание международного мира и безопасности», СБ ООН «*требует незамедлительного всеобщего прекращения боевых действий во всех ситуациях, фигурирующих в его повестке дня, и поддерживает усилия, прилагаемые в этом отношении Генеральным секретарём и его специальными представителями и специальными посланниками*»¹⁷. Подобное требование породило вопросы о правовой природе данной резолюции.

18. Так, отмечается, что резолюция СБ ООН будет носить обязательный характер, если она представляет собой «решение», принятое в соответствии со статьёй 25 Устава ООН¹⁸. Вместе с тем резолюция № 2532 воспроизводит формулировку статьи 34 Устава ООН, которая гласит:

«Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации *угрожать поддержанию международного мира и безопасности*»¹⁹.

19. Эта статья содержится в главе VI Устава ООН (мирное урегулирование споров), а следовательно, меры, содержащиеся в резолюции № 2532, являются «рекомендациями» в соответствии со статьёй 36 Устава ООН²⁰. В то же время такой вывод будет противоречить «императивной формулировке» пункта 1 резолюции, которая *требует* прекращения военных действий²¹. Предполагается, что принятие резолюции в контексте «разрушительных последствий пандемии COVID-19 во всём мире, особенно в странах, опустошаемых вооружёнными конфликтами», и признание того, что «обстановка насилия и нестабильности в конфликтных ситуациях может усугубить пандемию», могли бы свидетельствовать о желании СБ ООН обозначить требование о прекращении огня в качестве обязательного для выполнения²².

20. Таким образом, делается вывод о том, что сложно заключить, является ли требование о всеобщем и немедленном прекращении военных действий юридически обязательным.

---

¹⁶ См. UN Security Council. Security Council Underlines Support for Secretary-General's Global Ceasefire Appeal, Fight against COVID-19, Unanimously Adopting Resolution 2532 (2020). URL: <https://www.un.org/press/en/2020/sc14238.doc.htm>.

¹⁷ СБ ООН. Резолюция 2532 (2020). 1 июля 2020 года. Преамбула, п. 1–2. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2532\(2020\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2532(2020)). Выделение наше. — ЦМСПИ; см. также Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. Бушующий вирус наглядно демонстрирует безумство войны. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/fury-virus-illustrates-folly-war>.

¹⁸ *Pobjie E.* Covid-19 as a threat to international peace and security: The role of the UN Security Council in addressing the pandemic. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-as-a-threat-to-international-peace-and-security-the-role-of-the-un-security-council-in-addressing-the-pandemic/>; см. также Устав ООН. Глава V. Статья 25. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-v/index.html>.

¹⁹ Устав ООН. Глава VI. Статья 34. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-v/index.html>. Выделение наше. — ЦМСПИ.

²⁰ *Pobjie E.* Op cit.; см. также *Arcari M.* Some thoughts in the aftermath of Security Council Resolution 2532 (2020) on Covid-19 // Questions of International Law E-journal. 2020. Zoom-out 70. P. 63–64.

²¹ *Pobjie E.* Op cit. Автор статьи ссылается на мнение бывшего судьи Международного Суда Розалин Хиггинс и отмечает, что в «некоторых ограниченных и, возможно, редких случаях резолюции, принятые в рамках главы VI [Устава ООН], могут являться обязательными решениями», см. *Higgins R.* The Advisory Opinion on Namibia: Which UN Resolutions Are Binding under Article 25 of the Charter? // The International and Comparative Law Quarterly. Vol. 21. 1972. No. 2. P. 282; см. также *Arcari M.* Op cit. P. 67. Выделение наше. — ЦМСПИ.

²² *Pobjie E.* Op cit.; см. также Резолюция 2532 (2020). Преамбула.

Однако оговаривается, что СБ ООН может принять дополнительную резолюцию по обеспечению соблюдения положений главы VII Устава ООН, которая сделала бы указанное требование обязательным в практическом смысле²³.

21. Кроме того, отмечается, что, помимо традиционных мер, связанных с безопасностью, таких как призыв к прекращению огня и обеспечение коридоров гуманитарной помощи, СБ ООН мог бы также взять на себя ответственность за глобальную координацию мер реагирования на пандемию²⁴. Такие меры могут включать призыв к введению (или отмене) ограничений на поездки, пограничных ограничений, призыв к членам ООН оказывать помощь друг другу, включая предоставление медицинского персонала и необходимого оборудования, усиление кампаний по предоставлению достоверной информации и борьбе с дезинформацией, а также мобилизацию экспертных технических знаний, включая развёртываемые медицинские ресурсы²⁵. Также высказывается предложение, что СБ ООН мог бы предпринять шаги по обеспечению справедливого глобального доступа к вакцинам и другим медицинским технологиям, которые уже применяются или ещё разрабатываются для борьбы с пандемией²⁶.

22. Если весной были зарегистрированы случаи кибератак, направленных против государственных систем здравоохранения²⁷, то сейчас их цель — получение информации, связанной с разработкой и испытанием вакцины от COVID-19²⁸. Так, Великобритания, США и Канада сделали совместное заявление о так называемом «вакцинном шпионаже»²⁹. Кроме того, отмечается, что, помимо шпионажа, кибероперации препятствуют программам исследований и разработок вакцин, что может поставить под угрозу здоровье и жизнь человека³⁰.

23. Подчёркивается, что международное право запрещает проведение киберопераций, которые вызывают неблагоприятные последствия для исследований, испытаний, производства и распространения вакцины от COVID-19³¹. В частности, если кибероперация приводит к заболеванию людей, их гибели или повреждению оборудования, используемого для проведения медицинских исследований и разработок (включая определённые потери функциональности), то можно говорить о нарушении суверенитета государства, в котором такие последствия проявляются³².

24. Кроме того, указанные кибероперации могут быть квалифицированы как вмешательство одного государства во внутренние дела другого, если они лишают последнего возможности заниматься исследованиями по разработке вакцины или препятствуют принятию решения об этом³³. В случае же, когда кибероперации, нацеленные на исследования и разработку вакцины, вызывают задержку в предоставлении её населению, что, в свою очередь, приводит

---

²³ *Pobjie E.* Op cit.

²⁴ *Ibid*; см. также *Arcari M.* Op cit. P. 71–73.

²⁵ *Pobjie E.* Op cit.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ См. Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 2. С. 9. П. 16–18.

²⁸ *Schmitt M.* Cyber Operations against Vaccine R & D: Key International Law Prohibitions and Obligations. URL: <https://www.ejiltalk.org/cyber-operations-against-vaccine-r-d-key-international-law-prohibitions-and-obligations/>.

²⁹ Report of the National Cyber Security Centre. Advisory: APT29 targets COVID-19 vaccine development. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/files/Advisory-APT29-targets-COVID-19-vaccine-development-V1-1.pdf>.

³⁰ *Schmitt M.* Op cit.

³¹ *Akande D., et al.* The Second Oxford Statement on International Law Protections of the Healthcare Sector During COVID-19: Safeguarding Vaccine Research. Para. 2. URL: <https://elac.web.ox.ac.uk/article/the-second-oxford-statement>.

³² *Schmitt M.* Op cit.

³³ *Ibid.*

к росту заболеваний или смерти, их проведение будет являться незаконным применением силы³⁴.

25. Указывается, что в рамках должной осмотрительности государства обязаны принимать все возможные меры для предотвращения, прекращения и смягчения последствий вредоносных киберопераций против данных или технологий, используемых для исследований, испытаний, производства или распространения вакцины от COVID-19, которые исходят с их территории или юрисдикции³⁵. На государствах также лежат позитивные обязательства по обеспечению прав человека, в частности, на здоровье и жизнь, посредством защиты исследований, испытаний, производства и распространения вакцины от COVID-19³⁶.

26. Отмечается, что распространение COVID-19 оказало влияние на террористов и их деятельность³⁷. Так, Исполнительный директорат Контртеррористического комитета ООН в конце июня 2020 года опубликовал доклад с обозначением появившихся у террористов в связи с пандемией новых возможностей для их деятельности:

- население планеты, в том числе более одного миллиарда студентов, которые перешли на дистанционный формат обучения, стало проводить больше времени в Интернете. Увеличение числа молодых людей, использующих Интернет, особенно игровые платформы, даёт террористическим группам возможность распространять свои идеи среди большего числа людей³⁸;
- многие террористические группы уже стали использовать пандемию COVID-19 и её последствия в своих собственных целях для обострения разногласий среди тех, кого они считают врагами. Также пандемия позволила террористам усилить ненависть к конкретным группам, что привело к расистским, антисемитским, исламофобским и антииммигрантским высказываниям;
- пандемия предоставила террористическим и другим вооружённым группам (особенно действующим в районах, плохо контролируемых государством³⁹) возможность активизировать свою деятельность в сфере предоставления жизненно важных услуг, в том числе в сферах здравоохранения и социального обеспечения. Неудовлетворённость населения мерами, принятыми государствами в ответ на пандемию COVID-19, стала использоваться террористами для антигосударственной пропаганды и распространения акселерационистских нарративов. Это уже привело к снижению доверия к финансовым системам ряда государств и росту объёмов снятия наличных денежных средств, которые могут быть использованы преступными и террористическими организациями в своих целях⁴⁰.

---

³⁴ Ibid.

³⁵ Akande D., et al. Op cit. Para. 5.

³⁶ Ibid. Para. 6. Подробнее о правовых аспектах разработки вакцины от коронавируса в США см. Hickey K., Ward E. H. Legal Issues in COVID-19 Vaccine Development // Congressional Research Service. 2020.

³⁷ UN Secretary-General Statements and Messages. Secretary-General Warns Terrorists Are Exploiting COVID-19 Pandemic, Calls for Vigilance, at Virtual Counter-Terrorism Week Opening. Press Release. 6 July 2020. URL: <https://www.un.org/press/en/2020/sqsm20161.doc.htm>.

³⁸ Mullins S. Assessing the Impact of the Covid-19 Pandemic on Terrorism and Counter-Terrorism: Practitioner Insights // DKI APCSS Security Nexus. Vol. 2020. 21. P. 1.

³⁹ См., например, The Washington Post. Colombian guerrillas are using coronavirus curfews to expand their control. Violators have been killed. URL: https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/colombia-coronavirus-farc-el-n-guerrillas/2020/07/25/927d3c06-cb64-11ea-bc6a-6841b28d9093_story.html; Aljazeera. Taliban launches campaign to help Afghanistan fight coronavirus. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/06/taliban-launches-campaign-to-help-afghanistan-fight-coronavirus/>.

⁴⁰ UN Security Council. Counter-Terrorism Committee Executive Directorate. Report "The impact of the COVID-19 pandemic on terrorism, counter-terrorism and countering violent extremism". June 2020. P. 2. URL: <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2020/06/CTED-Paper%E2%80%93The-impact-of-the-COVID-19-pandemic-on-counter-terrorism-and-countering-violent-extremism.pdf>.

27. Кроме того, высказывается мнение, что распространение COVID-19 может пробудить интерес террористов к биологическому оружию, поскольку пандемия продемонстрировала ограниченность ресурсов государств для борьбы с её разрушительными последствиями⁴¹. Отмечается, что пандемия может вдохновить террористов на применение новых нетипичных методов ведения военных действий, таких как создание перебоев в поставках продовольствия или медикаментов и других медицинских товаров⁴².

28. В то же время в упомянутом выше докладе Контртеррористического комитета ООН указаны сложности, с которыми могут столкнуться террористы в период пандемии:

- ограничения, налагаемые государствами на свободу передвижения граждан, привели к уменьшению мест их скопления, что снижает эффективность обычной террористической тактики по нападению с использованием холодного оружия, взрывов бомб и тарана скоплений людей транспортными средствами. Хотя ограничения на международные поездки постепенно снимаются, усиление пограничной безопасности может затруднить передвижение террористов;
- ввиду снижения поставок товаров на глобальном, региональных и национальных рынках террористические группы (особенно те, которые действуют в отдалённых районах) могут испытывать затруднения в доступе к продовольствию, медикаментам, деньгам и оружию;
- концентрация на борьбе с COVID-19 и его последствиями может временно снизить внимание, которое средства массовой информации обычно уделяют террористическим атакам, потенциально снижая их воздействие на людей. Эта тенденция в сочетании с уменьшением количества целей для атак может привести к тому, что террористы будут прибегать ко всем возможным методам с целью привлечь к себе внимание, как, например, в случае нападения в мае 2020 года на родильный дом в Афганистане. Данные действия, наносящие вред здоровью и благополучию общин, могут оттолкнуть потенциальных сторонников от вступления в террористическую организацию⁴³.

29. Отмечается, что некоторые меры реагирования на COVID-19 пересекаются с мерами по борьбе с терроризмом, включая:

- распространение наказания за совершение террористических преступлений на действия лиц, намеренно стремящихся заразить других COVID-19;
- использование данных сотовых телефонов для инвазивного цифрового мониторинга за людьми, цель которого состоит в отслеживании передвижения больного COVID-19 и недопущении его контакта с другими лицами, но который также может использоваться для борьбы с терроризмом;
- оперативное реагирование на дезинформацию со стороны частных лиц о COVID-19. Так, например, некоторые крупные платформы социальных сетей расширили использование механизмов проверки достоверности публикуемой информации и запретили рекламу, использующую ложную информацию для продажи медицинских товаров⁴⁴.

---

⁴¹ *Plachta M.* Terrorism and Counter-terrorism at the Times of COVID-19 Pandemic // *International Enforcement Law Reporter*. Vol. 36. 2020. Issue 8. P. 321.

⁴² *Ibid.* P. 322; см. также *Basit A.* The COVID-19 Pandemic: An Opportunity for Terrorist Groups? // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 12. 2020. No. 3. P. 11.

⁴³ *Counter-Terrorism Committee Executive Directorate*. P. 2–3; см. также *Mullins S.* *Op cit.* P. 2, 6.

⁴⁴ *UN Security Council. Counter-Terrorism Committee Executive Directorate*. *Op cit.* P. 5.

30. В целом подчёркивается, что раздражённость и недовольство, порождённые противовирусными мерами в странах Европы, могут стать толчком для появления новых форм насильственного активизма и терроризма, связанных с теориями заговора, опасением по поводу нарастающего произвола со стороны правительств государств и технофобией. Террористы также могут извлечь выгоду из переключения внимания от борьбы с терроризмом на борьбу с COVID-19, которой национальные правительства, региональные и международные организации будут заняты ещё в течение нескольких месяцев или даже лет⁴⁵.

---

⁴⁵ Ibid. P. 3; см. также *Basit A. Op cit. P. 11–12; Mullins S. Op cit. P. 7–8.*

III. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

---

31. Отмечается, что, наряду со статьями 1(3), 2(5) и главой 9 Устава ООН⁴⁶, ММСП (в частности, Приложение I(A)(3)), требуют от государств-участников сотрудничества в целях содействия наращиванию потенциала здравоохранения в борьбе с пандемиями⁴⁷. Оно могло бы осуществляться в формах совместного проведения исследований, обмена информацией, оказания технической помощи (подготовки кадров и обеспечения доступа к научным знаниям), а также предоставления финансовой и/или материальной помощи⁴⁸. Подчёркивается, что подобная кооперация крайне необходима в тех случаях, когда государства — получатели помощи не имеют инфраструктуры, необходимой для борьбы с эпидемиями или пандемиями внутри страны, и не в состоянии самостоятельно выполнять обязательства по ММСП⁴⁹.

32. Однако отмечается, что спустя несколько месяцев с момента вспышки COVID-19 стало совершенно очевидным, что сотрудничество в борьбе с пандемией — будь то на национальном или международном уровне — остаётся достаточно иллюзорным⁵⁰. Отсутствие плодотворного сотрудничества между государствами, предусмотренного Уставом ООН, а также правом прав человека, обусловлено глобальной геополитикой, национальными интересами в сферах общественного здравоохранения и экономики⁵¹.

33. В частности, указывается на существование ряда парадоксов, которые настраивают государства друг против друга и подрывают механизмы конструктивного сотрудничества перед лицом одной из самых серьёзных глобальных угроз за последние десятилетия⁵². Так, первым упоминается «парадокс патриотизма», основанный на популистском утверждении, что в целях усиления национальной власти решение внутренних проблем должно преобладать над глобальными потребностями. Отмечается, что такой подход некоторых государств подорвал возможность адекватного реагирования на пандемию COVID-19 как внутри самих государств, так и на международном уровне, поскольку эффективная защита населения может быть достигнута только на основе совместных глобальных мер⁵³. Вторым называется «пограничный парадокс», который продемонстрировал, что стремление усилить пограничный контроль способствовало усилению неравенства, росту преступности внутри государства и тем самым снизило безопасность местного населения. Подчёркивается, что подобный контроль одновременно ускорил распространение вируса среди тех, кто был заперт в пределах национальных границ, лишив их возможности обращаться за помощью за пределами государства⁵⁴. Последним указывается «парадокс равенства», который

---

⁴⁶ *Desierto D.* Beyond the State: Our Shared Duties to Cooperate to Realize Human Rights during the Evolving Risks of a Global Pandemic. URL: <https://www.ejiltalk.org/beyond-the-state-our-shared-duties-to-cooperate-to-realize-human-rights-during-the-evolving-risks-of-a-global-pandemic/>.

⁴⁷ *Sirleaf M.* Capacity-Building, International Cooperation, and COVID-19. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/17/capacity-building-international-cooperation-and-covid-19>.

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ *Ibid.* Подробнее о сильных сторонах и недостатках ММСП в борьбе с пандемиями см. *Burci G. L.* The Legal Response to Pandemics: The Strengths and Weaknesses of the International Health Regulations // *Journal of International Humanitarian Legal Studies*. Vol. 1-14. 2020.

⁵⁰ *Desierto D.* *Op cit.*

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Danchin P. G., Farrall J., Rana S., Saunders I.* The Pandemic Paradox in International Law // ANU College of Law Research Paper. 2020. No 20.18. P. 10. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3675519; см. также *Liu H-Y., Lauts K., Maas M.* Apocalypse Now? // *Journal of International Humanitarian Legal Studies*. Vol. 1-16. 2020. P. 5–6.

⁵³ *Danchin P. G., et al.* *Op cit.* P. 5–7, 10.

⁵⁴ *Ibid.* P. 7–8.

показал, что последствия пандемии не являются одинаковыми для всех людей, ставя маргинализированные группы в особо уязвимое положение⁵⁵. Усугубление неравенства внутри национальных границ оказало негативное влияние на осуществление прав человека в ряде стран⁵⁶.

34. В этой связи отмечается, что международное право и институты глобального управления в их нынешнем виде недостаточно развиты или наделены соответствующими полномочиями для борьбы с COVID-19⁵⁷. Этот факт обуславливает необходимость их усовершенствования для принятия более эффективных мер реагирования на такие чрезвычайные ситуации международного значения, как пандемия COVID-19⁵⁸.

35. На региональном уровне, в частности, в ЕС, последствия пандемии COVID-19 обусловили необходимость принятия скоординированных мер и объединения ресурсов для обеспечения быстрых и непрерывных поставок критически важных товаров⁵⁹. Отмечается тенденция к принятию более комплексных инструментов для регулирования кризисных ситуаций на уровне ЕС⁶⁰. Об этом свидетельствует принятие как краткосрочного плана по усилению готовности ЕС к будущим вспышкам COVID-19, опубликованного 15 июля 2020 года⁶¹, так и Европейского плана восстановления, согласованного национальными правительствами 21 июля 2020 года⁶².

36. В свете более интегрированного подхода стран ЕС к сотрудничеству в области здравоохранения снова была высказана идея о создании Европейского Союза Здравоохранения (далее — «ЕСЗ»)⁶³. В этой связи особое внимание уделяется практике Суда ЕС при формировании Банковского Союза: суд предпринял активные усилия по толкованию соответствующих договорных положений, поддержав более глубокую банковскую интеграцию⁶⁴. Отмечается, что по аналогии с созданием Банковского Союза практика и толкование Договора о функционировании ЕС 1957 года Судом ЕС будут иметь важное значение в развитии ЕСЗ и повышении готовности Европы к распространению инфекционных заболеваний и устойчивости к ним⁶⁵.

37. Вместе с тем указывается, что практика Суда ЕС свидетельствует о том, что он может быть очень осторожным в расширительном толковании положений законодательства ЕС, касающегося политики здравоохранения, что потенциально может стать проблематичным для будущего ЕСЗ⁶⁶. В то же время отмечается, что, исходя из принятия Судом ЕС статьи 114 Договора о функционировании ЕС в качестве правовой основы для интеграции здравоохранения, есть основания для оптимизма относительно поддержки Судом ЕС ЕСЗ, созданного на тех же конституционных основах⁶⁷. Кроме того, возможность содействия

---

⁵⁵ Ibid. P. 9–10.

⁵⁶ Ibid. P. 10.

⁵⁷ Liu H-Y., Lauta K., Maas M. Op cit. P. 6.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ *Beaussier A-L., Cabane L.* Strengthening the EU's Response Capacity to Health Emergencies: Insights from EU Crisis Management Mechanisms // *European Journal of Risk Regulation*. 2020. P. 12; см. также *Goldmann M.* Human Rights and Democracy in Economic Policy Reform: The European COVID-19 Response Under Scrutiny // *International Journal of Human Rights*. Vol. 24. 2020. P. 8–13.

⁶⁰ *Beaussier A-L., Cabane L.* Op cit. P. 12.

⁶¹ European Commission. Short-term EU health preparedness for COVID-19 outbreaks. COM [2020] 318 final. 15 July 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication_-_short-term_eu_health_preparedness.pdf.

⁶² European Council. Conclusions of the Special meeting of the European Council. EUCO 10/20. 21 July 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45109/210720-euco-final-conclusions-en.pdf>.

⁶³ European Parliament. Parliament wants a European Health Union. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20200710IPR83101/parliament-wants-a-european-health-union>; см. также EuroNews. Предложено создать Европейский Союз Здравоохранения. URL: <https://ru.euronews.com/2020/09/17/sotu-eu-health-union>.

⁶⁴ *Bartlett O.* COVID-19, the European Health Union and the CJEU: Lessons from the Case Law on the Banking Union // *European Journal of Risk Regulation*. 2020. P. 2–3.

⁶⁵ Ibid. P. 2.

⁶⁶ Ibid. P. 6.

⁶⁷ Ibid. P. 8.

развитию и эффективному функционированию ЕСЗ со стороны Суда ЕС также обусловлена существующими свидетельствами поддержки им учреждений здравоохранения ЕС (например, Европейского агентства по лекарственным средствам) в выполнении их обязанностей⁶⁸.

38. Высказывается мнение, что в соответствии с международным правом прав человека обязанность по международному сотрудничеству возлагается не только на государства, но и на частных акторов (индивидуумов и групп лиц), которые являются как субъектами, так и адресатами права на развитие согласно Декларации ООН о праве на развитие 1986 года и Проекту конвенции о праве на развитие 2020 года⁶⁹. Наличие у индивида такой обязанности объясняется сквозь призму положений Всеобщей декларации прав человека 1948 года о том, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности»⁷⁰, а также Международных пактов 1966 года, которыми на людей возложена обязанность сотрудничать в обеспечении соблюдения прав человека и не заниматься какой бы то ни было деятельностью или не совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод человека⁷¹.

---

⁶⁸ Ibid. P. 9.

⁶⁹ *Desierto D.* Op cit.; см. также Совет по правам человека ООН. Проект конвенции о праве на развитие 2020 года. Резолюция A/HRC/WG.2/21/2. 17 января 2020 года. Статья 3(g), (h), (i). URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/WG.2/21/2>.

⁷⁰ Генеральная Ассамблея ООН. Всеобщая декларация прав человека. Резолюция 217A (III). U.N. Doc A/810. 10 декабря 1948 года. Статья 29.

⁷¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. UN Doc. A/6316, 999 U.N.T.S. 171. 16 декабря 1966 года. Преамбула, статья 5(1); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. UN Doc. A/6316. 993 U.N.T.S. 3. 16 декабря 1966 года. Преамбула, статья 5(1).

IV. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

---

39. Многие учёные связывают происхождение COVID-19 и его дальнейшее распространение среди населения мира с летучими мышами, продаваемыми на продовольственных рынках Китая⁷². В связи с этим обращается внимание на недостатки Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, 1973 года в регулировании торговли дикими видами⁷³.

40. Отмечается, что на сегодняшний день Конвенция не охватывает виды дикой фауны и флоры, которые представляют опасность для здоровья людей, и если бы среди мирового сообщества существовало достаточное понимание той опасности, которую представляют собой животные с зоонозными заболеваниями или переносящими коронавирус, то их включение в Приложение I⁷⁴ Конвенции привело бы к запрещению торговли ими⁷⁵. В связи с этим отмечается необходимость реформирования Конвенции путём включения в объект её регулирования тех видов животных, которые могут вызывать проблемы в области общественного здравоохранения, например, летучих мышей⁷⁶. Указывается, что расширение сферы охвата Конвенции обладает большим потенциалом для предотвращения следующей пандемии, связанной с дикой природой, а также для более эффективного регулирования торговли видами дикой фауны и флоры, представляющими риск для здоровья человека⁷⁷.

---

⁷² Medical News Today. Novel coronavirus: Your questions, answered. URL: <https://www.medicalnewstoday.com/articles/novel-coronavirus-your-questions-answered>.

⁷³ Firmansyah A. CITES reform: Enhanced wildlife trade regime needed to avoid next pandemic. URL: <https://www.ejiltalk.org/cites-reform-enhanced-wildlife-trade-regime-needed-to-avoid-next-pandemic/>.

⁷⁴ Приложение I включает все виды дикой фауны и флоры, находящиеся под угрозой исчезновения, торговля которыми оказывает или может оказать на их существование неблагоприятное влияние.

⁷⁵ Firmansyah A. Op cit.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid.

V. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

---

41. В условиях пандемии COVID-19 особое внимание уделяется праву на здоровье⁷⁸. Отмечается, что реализация этого права столкнулась с рядом препятствий, в частности, ввиду экономии бюджетных средств многих государств в области социальной политики⁷⁹. В условиях быстрого роста социального неравенства сокращение расходов на здравоохранение особенно опасно для маргинализированных и особо уязвимых групп населения, включая людей, живущих в нищете⁸⁰.

42. Указывается, что международные органы по защите прав человека уделяют недостаточно внимания обязательству государств использовать максимум имеющихся ресурсов для обеспечения права на здоровье⁸¹. Кроме того, до настоящего времени толкование принципов равенства и недискриминации исключало учёт концепции экономического неравенства⁸².

43. Подчёркивается, что, несмотря на выраженную в связи с распространением пандемии озабоченность по поводу её воздействия на права человека, рекомендации международных правозащитных органов и экспертов остаются довольно абстрактными и широкими⁸³. Например, указывается, что остаётся неясным, какие позитивные обязательства в отношении права на здоровье применяются в контексте пандемий или какова конкретная взаимосвязь ограничений других прав человека и защиты права на здоровье в контексте пандемии COVID-19⁸⁴. В связи с этим отмечается необходимость уточнения международными правозащитными органами толкования права на здоровье для более эффективного решения проблем в сфере здравоохранения⁸⁵.

44. Отмечается, что меры, принятые государствами в борьбе с COVID-19, представляют собой особую угрозу для осуществления гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав человека⁸⁶. В этой связи подчёркивается, что деятельность правозащитных организаций является более полезной в области защиты гражданских и политических прав человека, поскольку часто такие организации — единственные субъекты, способные указать на угрозу нарушения этих прав и защитить их⁸⁷. В то же время, несмотря на отмечаемую важность экономических, социальных и культурных прав человека⁸⁸,

---

⁷⁸ *Bueno De Mesquita J.* Covid-19: An Inconvenient Truth? Re-Evaluating Progress and Confronting Challenges for the Right to Health // Covid-19, Law and Human Rights: Essex Dialogues (School of Law and Human Rights Centre, University of Essex) / ed. by C. Ferstman, A. Fagan. Colchester: University of Essex, 2020.

⁷⁹ *Ibid.* P. 87.

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ *Ibid.* P. 88.

⁸² *Ibid.*

⁸³ *Ibid.* P. 90.

⁸⁴ *Ibid.*

⁸⁵ *Ibid.* P. 92.

⁸⁶ *Seyhan E.* Pandemic Powers: Why Human Rights Organizations Should Not Lose Focus on Civil and Political Rights // *Journal of Human Rights Practice*. Vol. 1. 2020. No. 8. P. 4; см. также *Nyamutata C.* Do Civil Liberties Really Matter During Pandemics? // *International Human Rights Law Review*. Vol. 9. 2020. Issue 1. P. 62–98; *Barnes A., McDonnell E.* An Overview of Emerging International Human Rights Law Guidance: Promoting Human Rights Compatibility of Government COVID-19 Responses // Report of Bonavero Institute of Human Rights. No. 5/2020. URL: https://www.law.ox.ac.uk/sites/files/oxlaw/bonavero_report_5_of_2020.pdf. Более подробно о связи мер, предпринятых на национальном уровне в соответствии с конституционным правом государств, с международным правом, см. *Villarreal P. A.* Public Health Emergencies and Constitutionalism Before COVID-19: Between the National and the International // *Constitutionalism Under Extreme Conditions. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice* / ed. by R. Albert, Y. Roznai. Vol 82. Springer, Cham, 2020. P. 224–235.

⁸⁷ *Seyhan E.* *Op cit.* P. 5–7.

⁸⁸ См. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Statement on the Covid-19 Pandemic and Economic, Social and Cultural Rights // *International Human Rights Law Review*. Vol. 9. 2020. Issue 1. P. 135–142.

указывается, что деятельность правозащитных организаций по обеспечению их реализации является менее эффективной⁸⁹. Данный факт объясняется тем, что в современном мире отсутствует какая-либо конкретная концепция благополучного общества, что не позволяет сформулировать чёткое видение того, как следует распределять ресурсы, а следовательно, решить проблему экономического неравенства⁹⁰.

45. Указывается, что после окончания чрезвычайного положения меры по борьбе с пандемией COVID-19 могут способствовать расширению более насильственных методов борьбы с другими социально вредными видами деятельности⁹¹. В этой связи проводится параллель между мерами по борьбе с коронавирусом и терроризмом: запреты на поездки, превентивные задержания, комендантские часы, надзор и расширенные полномочия полиции⁹². Подчёркивается, что пандемии и подобного рода кризисы, которые легитимизируют репрессивное поведение государств, будут становиться более частым явлением⁹³. В таких ситуациях существует большой риск нарушения прав тех или иных лиц, и лишь правозащитные организации способны контролировать деятельность государственных органов с целью недопущения злоупотребления ими властью⁹⁴.

46. Отмечается, что при применении мер по борьбе с пандемией COVID-19 в рамках ЕКПЧ государство несёт позитивные обязательства как по защите индивида (или группы индивидов) от опасных последствий, вызываемых вирусом SARS-CoV-2, так и по обеспечению защиты его прав при применении превентивных мер⁹⁵.

47. При анализе первого вида обязательств подчёркивается, что здоровье *per se* не защищено положениями ЕКПЧ⁹⁶. Однако упоминается практика Европейского суда по правам человека (далее — «ЕСПЧ», «Суд»), в которой в случае неоказания надлежащей медицинской помощи Суд нашёл нарушение статьи 2 ЕКПЧ (право на жизнь)⁹⁷. В ситуации же, когда родственникам умершего пациента отказали в доступе к медицинской информации, Суд усмотрел нарушение статьи 8 ЕКПЧ (право на уважение частной и семейной жизни)⁹⁸. Отмечается, что обеспечение указанных прав налагает на государство ряд позитивных обязательств, которые, в том числе, включают установление надлежащих законодательных и административных рамок, принятие практических мер по защите отдельных лиц и предоставлению им информации, позволяющей оценить риски для своего здоровья и жизни⁹⁹.

48. Несмотря на практику применения статей 2 и 8 ЕКПЧ в целях защиты здоровья указывается, что положение статьи 5(1) ЕКПЧ о праве на свободу и личную неприкосновенность наиболее полно защищает человека от таких угроз его здоровью, как пандемия COVID-19¹⁰⁰. Данному праву индивида корреспондирует обязанность государства принимать конкретные меры по минимизации подобных угроз как для отдельного человека, так и для общества¹⁰¹.

---

⁸⁹ Seyhan E. Op cit. P. 7.

⁹⁰ Ibid. P. 6.

⁹¹ Ibid. P. 4.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ibid. P. 2, 7.

⁹⁵ Bachmann S., Sanden J. State Responsibility for the (Public) Right to Health and Security in Times of COVID Pandemic: European Perspective // Indonesian Journal of International & Comparative Law. Vol. 7. 2020. No. 3. P. 417.

⁹⁶ Ibid. P. 411.

⁹⁷ Ibid. P. 411–412; см. также ECtHR. *Center of Legal Resources on behalf of Mr. Valentin Câmpeanu v. Romania*. Application no. 47848/08. Grand Chamber. 17 July 2014. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-145577>.

⁹⁸ Bachmann S., Sanden J. Op cit. P. 412; см. также ECtHR. *Case of R.R. v. Poland*. Application no. 27617/04. Fourth Section. 28 November 2011. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104911>.

⁹⁹ Bachmann S., Sanden J. Op cit. P. 412.

¹⁰⁰ Ibid. P. 413–414.

¹⁰¹ Ibid. P. 414.

49. При анализе второго вида обязательств государства отмечается, что, согласно практике ЕСПЧ, принимаемые в борьбе с COVID-19 меры, касающиеся прав человека, являются законными, если исключают произвольность и непропорциональность в рамках более широкого недискриминационного подхода¹⁰².

50. В предыдущих обзорах уже затрагивался вопрос отступления государств — членов Совета Европы от положений ЕКПЧ в чрезвычайных ситуациях в соответствии со статьёй 15¹⁰³. За время распространения пандемии ряд государств заявил об отступлении от некоторых обязательств по правам человека¹⁰⁴. Несмотря на указание необходимости объявления чрезвычайного положения в стране, позволяющего отступить от прав человека¹⁰⁵, высказывается мнение, что реальный эффект такого отступления на ситуацию с правами человека является крайне ограниченным в условиях пандемии COVID-19¹⁰⁶.

51. Отмечается, что, как правило, оценка значимости и эффективности отступлений от обязательств по правам человека производится только на примере военных чрезвычайных ситуаций¹⁰⁷. Однако утверждается, что данный тип чрезвычайных ситуаций существенно отличается от чрезвычайных ситуаций в сфере здравоохранения, реакция на которые не может быть сопоставимой¹⁰⁸. Указывается, что данные виды чрезвычайных ситуаций затрагивают разные права человека, требуют принятия отличных мер, имеют разные степень и продолжительность вмешательства¹⁰⁹. Следовательно, релевантность аргументов, используемых в отношении военных чрезвычайных ситуаций, для пандемии COVID-19 вызывает обоснованные сомнения¹¹⁰.

52. Кроме того, подчёркивается, что у государств нет необходимости отступить от своих обязательств в чрезвычайной ситуации в сфере здравоохранения, поскольку многие положения ЕКПЧ имеют встроенный «естественный» механизм, позволяющий государствам принимать меры, направленные на снижение негативных последствий пандемии¹¹¹. Таким механизмом является анализ пропорциональности принятых государством мер в обстоятельствах пандемии COVID-19. Как только пандемия завершится, у ЕСПЧ отпадёт необходимость учёта чрезвычайных обстоятельств. В этих условиях статья 15 ЕКПЧ не будет иметь никакого дополнительного эффекта¹¹².

53. Указывается, что в контексте пандемии пределы усмотрения, предоставляемые государствам в рамках ЕКПЧ, вероятно, будут широкими. Объявление же чрезвычайного положения может оправдать ещё более широкие пределы для вмешательства в осуществление прав человека со стороны государства¹¹³.

---

¹⁰² Ibid. P. 422.

¹⁰³ Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. С. 12. П. 29–30; Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 2. С. 13. П. 26; Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 3. С. 13. П. 25.

¹⁰⁴ Республика Албания, Республика Армения, Грузия, Латвийская Республика, Республика Молдова, Румыния, Республика Сан-Марино, Республика Северная Македония, Эстонская Республика. В настоящее время указанные государства, за исключением Грузии, отозвали свои уведомления об отступлении от обязательств по ЕКПЧ в связи с прекращением чрезвычайной ситуации на их территориях. Грузия продлила действие чрезвычайной ситуации до 1 января 2021 года. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/005/declarations>.

¹⁰⁵ Green A. Derogating from the European Convention on Human Rights in Response to the Coronavirus Pandemic: If not Now, When? // European Human Rights Law Review. 2020. No. 3. P. 262.

¹⁰⁶ Dzehtsiarou K. Article 15 derogations: are they really necessary during the COVID-19 pandemic? // European Human Rights Law Review. 2020. No. 4. P. 360.

¹⁰⁷ Ibid. P. 361; см. также Green A. Op cit.

¹⁰⁸ Ibid. P. 360.

¹⁰⁹ Ibid. P. 361–362.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ibid. P. 360.

¹¹² Ibid. P. 360, 368–369.

¹¹³ Ibid. P. 360.

54. Отмечается, что в связи с распространением COVID-19 стало увеличиваться количество сфер, в которых государства прибегают к частным охранным услугам, что вызывает определённую озабоченность в области прав человека¹¹⁴. Указывается, что, помимо существующих видов деятельности, где частный сектор уже давно участвует в обеспечении безопасности, например, в центрах содержания мигрантов, вследствие пандемии к частным подрядчикам стали обращаться также для проведения тестирования уровня общественного здравоохранения или оказания услуг по отслеживанию местоположения заражённых лиц¹¹⁵.

55. Например, наделение частных охранных компаний возможностью применять силу, задерживать людей, транспортировать заключённых или управлять местами их содержания приводит к повышенному риску нарушения прав человека¹¹⁶. Кроме того, вызывает обоснованные сомнения уровень подготовки частных охранников в сфере общественного здравоохранения, необходимый для обработки конфиденциальных данных населения, включая биометрические данные¹¹⁷.

56. Подчёркивается, что поведение частных охранных компаний регулируется актами «мягкого» права, сферы применения которых ограничены: Документом Монрё, который применяется только к ситуациям вооружённого конфликта¹¹⁸, и Международным кодексом поведения частных охранных компаний, применяемым в «сложных условиях»¹¹⁹. Следовательно, деятельность частных акторов в упомянутых выше сферах выходит за рамки обоих документов, что указывает на пробелы в регулировании¹²⁰.

57. Тем не менее указывается, что даже в условиях пандемии, когда государства решают передать часть полномочий в сфере обеспечения безопасности частному сектору, они продолжают нести обязательства в области прав человека¹²¹. В связи с этим государства должны обеспечивать эффективный контроль и надзор за деятельностью частных подрядчиков, а также требовать соблюдения ими стандартов в области прав человека¹²².

58. В связи с изменением компаниями цепочек поставок продукции, вызванным распространением COVID-19, а также постепенным возвращением некоторых из них к нормальным условиям функционирования продолжает обсуждаться проблема соблюдения компаниями обязательств «должной осмотрительности» (due diligence)¹²³.

---

¹¹⁴ MacLeod S. Private Security, Human Rights, and Covid-19. URL: <https://www.ejiltalk.org/private-security-human-rights-and-covid-19/>.

¹¹⁵ Ibid; см. также Mangenje E., Hodgson T. F. BHR Symposium: Corporate Accountability, COVID-19 and the Right to Health. URL: <https://opiniojuris.org/2020/09/09/bhr-symposium-corporate-accountability-covid-19-and-the-right-to-health/>.

¹¹⁶ MacLeod S. Op cit.; см. также Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наёмников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение: гендерные последствия для прав человека деятельности частных военных и охранных компаний. Резолюция № A/74/244. 29 июля 2019 года. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/74/244&Lang=R.

¹¹⁷ MacLeod S. Op cit.; см. также International Commission of Jurists. Report "Living Like People Who Die Slowly: The Need for Right to Health Compliant COVID-19 Responses". September 2020. P. 36–39. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/09/Universal-Global-Health-COVID-19-Publications-Reports-Thematic-Reports-2020-ENG.pdf>.

¹¹⁸ Приложение к письму Постоянного представителя Швейцарии при ООН от 2 октября 2008 года на имя Генерального секретаря. Документ Монрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта. Резолюция № A/63/467-S/2008/636. 6 октября 2008 года. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/montreau.pdf>.

¹¹⁹ Сложные условия — любые районы, затронутые беспорядками или нестабильной обстановкой или восстанавливающиеся после них в результате стихийных бедствий или вооружённых конфликтов, в которых существенно ослаблено поддержание законности и в которых способность государства урегулировать сложившуюся ситуацию является минимальной, ограниченной или отсутствует. См. Приложение к письму Постоянного представителя Швейцарии при ООН на имя Генерального секретаря. Международный кодекс поведения частных охранных компаний. Резолюция № A/67/63-S/2012/76. 16 февраля 2012 года. Часть В. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/67/63>.

¹²⁰ MacLeod S. Op cit.

¹²¹ Ibid; см. также Coco A., Dias T. de S. Prevent, Respond, Cooperate: States' Due Diligence Duties vis-à-vis the COVID-19 Pandemic // Journal of International Humanitarian Legal Studies. Vol. 1-19. 2020.

¹²² Ibid.

¹²³ См. Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 3. С. 13–14. П. 27.

В этой связи отмечается, что компании должны следовать Руководящим принципам предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН 2011 года¹²⁴ с целью выявления, предотвращения и смягчения неблагоприятных последствий для прав человека во всей производственно-сбытовой цепочке¹²⁵.

59. Несмотря на отсутствие у указанных Руководящих принципов обязательной силы, существует тенденция расширения и уточнения стандартов в области соблюдения и защиты прав человека со стороны предприятий¹²⁶. В частности, приводятся примеры представления ЕС в 2020 году новых правил об обязательной корпоративной, экологической и правозащитной должной осмотрительности¹²⁷, а также нового подхода о потенциальной ответственности материнской компании за нарушение прав человека иностранными дочерними компаниями¹²⁸. Кроме того, в августе 2020 года была опубликована вторая редакция Проекта юридически обязательного документа для регулирования в международном праве прав человека деятельности транснациональных корпораций и других коммерческих предприятий¹²⁹. Данный документ вносит ясность в содержание обязанности компаний по обеспечению уважения прав человека¹³⁰. В данном контексте делается вывод о том, что компании, применяющие более ответственный подход к должной осмотрительности, не только лучше подготовлены к соблюдению новых законодательных изменений в этой области, но и способствуют уменьшению риска возникновения неблагоприятных последствий для прав человека, связанных с пандемией COVID-19¹³¹.

60. Отмечается, что с момента начала распространения COVID-19 большое внимание уделяется необходимости регулярного и тщательного мытья рук¹³². В этой связи указывается, что право на воду является неотъемлемой составляющей обеспечения достаточного жизненного уровня человека и государства обязаны обеспечить данное право в рамках статьи 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года¹³³.

61. Однако до сих пор во многих развивающихся и менее развитых странах доступ к чистой воде (даже той, которая не пригодна для питья) является проблемой¹³⁴. Особое внимание в этой связи обращается на атоллы, которые имеют очень ограниченные запасы пресной воды, в том числе в связи с прониканием солёной воды в грунтовые воды¹³⁵. Подчёркивается, что пандемия COVID-19 продемонстрировала общую уязвимость населения некоторых государств ввиду нехватки воды, когда люди не могут следовать простым инструкциям ВОЗ

---

¹²⁴ Совет по правам человека ООН. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Резолюция № 17/4. 16 июня 2011 года. Часть 2 (Корпоративная ответственность за соблюдение прав человека). URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf.

¹²⁵ Jennett J. H., Hamzi L., Mashru R. Corporate Human Rights Due Diligence in times of COVID-19. URL: <https://www.ejiltalk.org/corporate-human-rights-due-diligence-in-times-of-covid-19/>.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ European Parliament. Human Rights Due Diligence Legislation – Options for the EU. PE 603.495. June 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/603495/EXPO_BRI\(2020\)603495_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/603495/EXPO_BRI(2020)603495_EN.pdf).

¹²⁸ См. UK Supreme Court. Vedanta Resources PLC and another v. Lungowe and others. UKSC 2017/0185. 10 April 2019. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2017-0185.html>.

¹²⁹ Совет по правам человека ООН. Межправительственная рабочая группа открытого состава по транснациональным корпорациям и другим предприятиям в аспекте прав человека. Доработанный Проект юридически обязательного документа для регулирования в международном праве прав человека деятельности транснациональных корпораций и других коммерческих предприятий. 6 Августа 2020. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/WGTransCorp/Session6/OEIGWG_Chair-Rapporteur_second_revised_draft_LBI_on_TNCs_and_OBEs_with_respect_to_Human_Rights.pdf.

¹³⁰ Mangenje E., Hodgson T. F. Op cit.

¹³¹ Jennett J. H., Hamzi L., Mashru R. Op cit.

¹³² См., например, World Health Organization. Clean Care is Safer Care. URL: https://www.who.int/gpsc/clean_hands_protection/en/.

¹³³ Farran S., Smith R., Molloy S. Covid-19 and the Right to Water: The Impact of Handwashing Guidance in Atolls with Limited Running Water. URL: <https://opiniojuris.org/2020/08/21/covid-19-and-the-right-to-water-the-impact-of-handwashing-guidance-in-atolls-with-limited-running-water/>; см. также Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка №15: Право на воду. Резолюция E/C.12/2002/11. 20 января 2003 года. URL: <https://undocs.org/ru/E/C.12/2002/11>.

¹³⁴ Farran S., Smith R., Molloy S. Op cit.

¹³⁵ Ibid.

по регулярному мытью рук¹³⁶. Вследствие этого указывается на необходимость принятия государствами совместных усилий и мер по обеспечению доступа к воде во всём мире¹³⁷.

62. 9 июля 2020 года в целях реализации Декларации Сан-Хосе¹³⁸ и Кампальской декларации¹³⁹ представители Африканского суда по правам человека и народов (далее — «АСПЧ»), ЕСПЧ и Межамериканского суда по правам человека (далее — «МСПЧ»)¹⁴⁰ провели онлайн-встречу, в рамках которой обсудили влияние COVID-19 на права человека в своих регионах¹⁴¹.

63. Судьи ЕСПЧ и АСПЧ подчеркнули практику использования пандемии в качестве предлога для злоупотребления государственной властью¹⁴². Во избежание подобных ситуаций судьи ЕСПЧ определили четыре общих принципа, которым должны следовать государства, принимающие меры в ответ на пандемию:

- меры, принимаемые в интересах общества, должны соответствовать принципу пропорциональности;
- должен соблюдаться принцип законности: расплывчатые и чрезмерно широкие меры должны быть запрещены;
- нормы, ограничивающие права человека, не должны предоставлять исполнительному органу чрезмерную свободу действий;
- чрезвычайные законы или декларации должны строго соответствовать требованиям ситуации¹⁴³.

64. Кроме того, судьи указали, что многие государства не выполняют своих обязательств по обеспечению определённых экономических, социальных и культурных прав. Так, судьи МСПЧ отметили, что низкое качество здравоохранения и инфраструктуры, а также неравенство в предоставлении услуг представляют серьёзную угрозу для осуществления права на здоровье в их регионе¹⁴⁴. Судьи АСПЧ обратили внимание на необходимость борьбы с рынком небезопасных лекарств, используемых в качестве средств защиты от COVID-19, а также важность решения проблемы неравенства в области здравоохранения в регионе¹⁴⁵. Судьи ЕСПЧ, в свою очередь, призвали государства выполнять обязательства по защите жизни и здоровья своего населения в соответствии со статьёй 2 ЕКПЧ, включая обеспечение систем здравоохранения необходимым объёмом ресурсов¹⁴⁶.

---

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Joint Declaration of the Presidents of the African Court on Human and Peoples' Rights, the European Court of Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights, on the occasion of the 40th Anniversary of the entry into force of the American Convention on Human Rights and the creation of the Inter-American Court of Human Rights (Declaration of San José). 18 July 2018. URL: https://echr.coe.int/Documents/San_Jose_Declaration_2018_ENG.pdf.

¹³⁹ The African Court on Human and Peoples' Rights, the European Court of Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights, at the First International Human Rights Forum 28 to 29 October 2019 (Kampala Declaration). 29 October 2019. URL: https://echr.coe.int/Documents/Kampala_Declaration_ENG.pdf.

¹⁴⁰ В рамках указанных деклараций АСПЧ, ЕСПЧ и МСПЧ взяли на себя обязательства по расширению обмена информацией и опыта между собой.

¹⁴¹ Dialogue between the Three Human Rights Courts of the World: The impact of COVID-19 on Human Rights. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FMWOF54WjB0&feature=youtu.be>.

¹⁴² Davi T. Judicial Dialogue between the Three Human Rights Courts on the Impact of COVID-19 on Human Rights: Extracting the Essentials. URL: <https://opiniojuris.org/2020/09/25/judicial-dialogue-between-the-three-human-rights-courts-on-the-impact-of-covid-19-on-human-rights-extracting-the-essentials/>.

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Ibid.

¹⁴⁶ Ibid.

VI. МЕЖДУНАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО

---

65. Вспышка COVID-19 оказала крайне негативное воздействие на рынки труда. Как Организация экономического сотрудничества и развития, так и Международная организация труда указали на резкое сокращение числа рабочих мест и/или объёма производств в первой половине 2020 года. Они выразили опасения в связи с тем, что восстановление рабочих мест будет далеко не полным¹⁴⁷.

66. В связи с этим подчёркивается важность социального диалога в борьбе с последствиями пандемии COVID-19 и приводятся примеры его реализации. Отмечается, что в целях сохранения рабочих мест и недопущения остановки целых секторов экономики «социальные партнёры» (работники, работодатели) совместно с правительствами государств оперативно приняли ряд мер по согласованию краткосрочных изменений в трудовых соглашениях¹⁴⁸. Кроме того, социальный диалог сыграл ключевую роль в разработке политики по защите здоровья трудящихся от распространения коронавируса. Так, были заключены дополнительные соглашения и протоколы, предусматривающие предоставление работникам средств индивидуальной защиты, улучшение санитарных условий, реорганизацию рабочих мест и рабочего времени для обеспечения социальной дистанции и принятие дополнительных мер предосторожности для тех, кто подвержен более высокому риску заболевания, например, пожилых работников¹⁴⁹. Более того, указывается на принятые социальными партнёрами попытки гибкого распределения рабочего времени сбалансированным образом. Это, например, выразилось в переносе рабочего времени с периодов простоя (во время изоляции) на периоды, когда можно было ожидать восстановления производства¹⁵⁰.

---

¹⁴⁷ Global Deal, International Labor Organization, Organization for Economic Co-operation and Development, the Global Deal Support Unit. This Global Deal Flagship Report 2020: Social Dialogue, Skills and COVID-19. 20 October 2020. P. 10. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_758550.pdf.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Ibid.

VII. МИГРАЦИОННОЕ ПРАВО

---

67. Отмечается, что в целях сдерживания распространения COVID-19 в общей сложности 219 государств ввели ограничения на поездки. Указанные меры в области мобильности населения создали новые проблемы для мигрантов и других мобильных групп населения, усугубив их и так уязвимое положение¹⁵¹. Более того, постепенное снятие внутренних ограничений и открытие границ между государствами породили вопрос о том, как обеспечить безопасность при трансграничной мобильности людей, в частности, мигрантов, после пандемии COVID-19¹⁵². В то же время указывается, что важно будет учитывать готовность национальных систем здравоохранения и социальной защиты не только на физических/регулируемых границах государств или пунктах въезда (включая аэропорты, порты и наземные переходы), но и во время иммиграционных процессов, вдоль неформальных границ, туристических маршрутов и других пространств, где мигранты взаимодействуют с местными общинами¹⁵³.

68. Указывается, что из-за целого ряда факторов, таких как высокий уровень бедности, перенаселённые жилища, высокая концентрация людей на рабочих местах, где социальное дистанцирование затруднено, иммигранты подвержены гораздо более высокому риску заражения COVID-19, чем другие жители государств¹⁵⁴. Данный факт усилил стигматизацию, ксенофобию и дискриминацию в отношении мигрантов и других уязвимых групп населения из-за предполагаемых связей с лицами, заражёнными COVID-19¹⁵⁵.

69. Иммигранты находятся в более уязвимом положении и на рынке труда ввиду менее стабильных условий занятости и меньшего трудового стажа. Также отмечается, что во время кризиса на рынке труда, когда для поиска и получения работы необходимо наличие сети контактов, которых у мигрантов меньше, сильно возрастает дискриминация в отношении них¹⁵⁶. Обращается внимание на то, что потеря рабочих мест, доходов, видов на жительство и ресурсов для жизнедеятельности сказались на передвижении населения, в результате чего сотни тысяч мигрантов по всему миру оказались в тяжёлом положении¹⁵⁷.

---

¹⁵¹ International Organization for Migration. Global Strategic Preparedness and Response Plan. 9 September 2020. P. 1. URL: <https://crisisresponse.iom.int/response/iom-global-strategic-preparedness-and-response-plan-coronavirus-disease-2019>.

¹⁵² International Organization for Migration. Policy paper "Cross-Border Human Mobility amid and after COVID-19". 21 July 2020. P. 1. URL: https://www.iom.int/sites/default/files/documents/issue_brief_cross-border_human_mobility.pdf.

¹⁵³ Ibid. P. 19.

¹⁵⁴ Organization for Economic Co-operation and Development. Report "What is the impact of the COVID-19 pandemic on immigrants and their children?". 19 October 2020. P. 2. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=137_137245-8saheqv0k3&title=What-is-the-impact-of-the-COVID-19-pandemic-on-immigrants-and-their-children%3F.

¹⁵⁵ Global Strategic Preparedness and Response Plan. Op cit. P. 1.

¹⁵⁶ Report "What is the impact of the COVID-19 pandemic on immigrants and their children?". Op cit. P. 1.

¹⁵⁷ Global Strategic Preparedness and Response Plan. Op cit. P. 1.

VIII. ПРАВО ВТО

---

70. COVID-19 оказал чрезвычайное давление на системы здравоохранения во всём мире. В первую очередь это было связано с временным закрытием государствами своих границ и введением ограничений на поездки с целью сдержать распространение коронавируса. Такие ограничения на трансграничное передвижение оказали значительное влияние на торговлю, в том числе медицинскими товарами¹⁵⁸.

71. Как отмечается, острая нехватка медицинских средств индивидуальной защиты, с которой столкнулись практически все страны на начальной стадии распространения COVID-19, ослабла по мере расширения производства и сотрудничества в торговле¹⁵⁹. Так, данные по 41 стране свидетельствуют о том, что торговля медицинскими товарами выросла на 38,7 % в первой половине 2020 года. Тем не менее указывается, что некоторые развивающиеся страны до сих пор сталкиваются с периодической нехваткой конкретных товаров¹⁶⁰.

72. Среди мер в области торговли медицинскими товарами, принятых государствами, указывается на временное снятие 40 членами ВТО пошлин, налогов и сборов на важнейшие в борьбе с COVID-19 медицинские товары и другие предметы первой необходимости. Подобные меры помогли снизить стоимость товаров, необходимых для борьбы с пандемией, как для сектора здравоохранения, так и для широкой общественности¹⁶¹. Кроме того, сокращение бюрократических формальностей ускорило таможенные процедуры и пограничное оформление критически важных медицинских товаров для борьбы с COVID-19. Меры, принимаемые государствами-членами в этой области, включают создание приоритетных каналов таможенной очистки, уменьшение и упрощение требований к документации и электронной обработке, а также улучшение сотрудничества пограничных ведомств. Ускоренные процедуры транзита также помогли государствам, не имеющим выхода к морю, улучшить свой доступ к поставкам медицинских товаров¹⁶².

73. Отдельное внимание уделяется уязвимости микро-, малых и средних предприятий в условиях пандемии COVID-19. Так, указывается, что такие предприятия особенно подвержены экономическим последствиям пандемии ввиду ограниченных финансовых ресурсов и преобладающего присутствия (95 % компаний по всему миру) в экономических секторах, затронутых мерами социального дистанцирования и транспортными сбоями. Также такие предприятия особенно подвержены торговым ограничениям на сельскохозяйственную продукцию¹⁶³.

74. В этой связи указывается на ряд срочных мер стимулирования и поддержки микро-, малых и средних предприятий, принятых государствами. Например, была осуществлена поддержка ликвидности для решения проблем с денежными потоками с целью сохранения

---

¹⁵⁸ WTO. Cross-Border Mobility, COVID-19 and Global Trade. Information note. 25 August 2020. P. 1. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/mobility_report_e.pdf.

¹⁵⁹ WTO. How WTO Members Have Used Trade Measures to Expedite Access to COVID-19 Critical Medical Goods and Services. Information note. P. 1. 18 September 2020. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/services_report_16092020_e.pdf.

¹⁶⁰ Ibid. P. 2.

¹⁶¹ Ibid. P. 3–4.

¹⁶² Ibid. P. 5–7.

¹⁶³ WTO. Helping MSMEs Navigate The COVID-19 Crisis. Information note. 24 September 2020. P. 1. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/msmes_report_e.pdf. Подробнее о влиянии пандемии на аграрный сектор экономики см. WTO. COVID-19 and Agriculture: a Story of Resilience. Information note. 26 August 2020. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/agric_report_e.pdf.

рабочих мест и обеспечения непрерывности деятельности предприятий¹⁶⁴. Правительства также приняли меры, направленные на повышение устойчивости указанных предприятий и укрепление их потенциала для преодоления будущих чрезвычайных ситуаций в цепочках спроса и предложения¹⁶⁵.

75. Указывается, что система защиты интеллектуальной собственности в рамках ТРИПС может внести значительный вклад в решение проблем, вызванных COVID-19, облегчая доступ к уже существующим технологиям и способствуя созданию, производству и распространению новых технологий¹⁶⁶.

76. Подчеркивается, что статья 31 ТРИПС допускает принудительное лицензирование и государственное использование патента без получения разрешения от его владельца при соблюдении ряда условий, направленных на защиту законных интересов патентообладателя¹⁶⁷. Так, все члены ВТО могут выдавать лицензии и размещать государственные заказы на медицинские технологии, необходимые для производства лекарств, вакцины, а также любых других средств для борьбы с COVID-19. Например, в мае 2020 года в Венгрии была выдана правительственная лицензия на производство лекарственных средств от COVID-19, которая прекратила своё действие в июне этого года в связи со снятием режима чрезвычайной ситуации в стране¹⁶⁸. В некоторых странах парламент обратился к правительству с просьбой выдать обязательные лицензии для обеспечения доступа к лекарствам, вакцинам или диагностическим средствам для борьбы с COVID-19, а в других — были обновлены или уточнены законы, связанные с правами интеллектуальной собственности¹⁶⁹.

77. Также отмечается, что необходимость срочного реагирования на пандемию COVID-19 побудила национальные и региональные власти предпринять меры по ускорению или упрощению администрирования системы интеллектуальной собственности, особенно в отношении товарных знаков, а также оказать практическую поддержку фирмам, стремящимся разработать технологии или произвести товары, потенциально полезные в борьбе с пандемией¹⁷⁰.

78. В обзоре от 28 апреля 2020 года указывалось на дискуссию о допустимости обращения государств к статье 73 ТРИПС для обеспечения доступа населения к лечению от COVID-19¹⁷¹. Отмечается, что положения данной статьи позволяют государствам приостановить реализацию патентных прав в целях содействия импорту или местному производству необходимых лекарственных средств и/или вакцин¹⁷². Однако приводятся аргументы, объясняющие почему обращение к указанной статье может оказаться бесполезным для некоторых стран во время пандемии COVID-19:

- только государства, способные производить фармацевтическую продукцию внутри страны, предположительно могут сослаться на статью 73(b)(iii) ТРИПС для

---

¹⁶⁴ Ibid. P. 5.

¹⁶⁵ Ibid. P. 6–7.

¹⁶⁶ WTO. The TRIPS Agreement and COVID-19. Information note. 15 October 2020. P. 1. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/trips_report_e.pdf.

¹⁶⁷ Ibid. P. 9.

¹⁶⁸ The Government Decree 212/2020 on public health compulsory licenses for exploitation within Hungary. 16 May 2020. URL: http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=219512.383062.

¹⁶⁹ Перечень таких стран см. WTO. COVID-19: Measures regarding trade-related intellectual property rights. 5 October 2020. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/trade_related_ip_measure_e.htm.

¹⁷⁰ WTO. The TRIPS Agreement and COVID-19. Op cit. P. 6–8, 11–13.

¹⁷¹ Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. С. 20. П. 47.

¹⁷² Oke E. K. Is the National Security Exception in the TRIPS Agreement a Realistic Option in Confronting COVID-19? URL: <https://www.ejiltalk.org/is-the-national-security-exception-in-the-trips-agreement-a-realistic-option-in-confronting-covid-19/>.

обоснования приостановления реализации патентных прав в целях обеспечения национальной безопасности во время пандемии COVID-19;

- существуют сомнения в том, что государство может ссылаться на статью 73(b)(iii) ТРИПС для обоснования приостановления реализации патентных прав на своей территории в целях защиты существенных интересов безопасности другого государства путём экспорта запатентованных лекарственных средств или вакцин в это государство;
- некоторые наименее развитые страны в настоящее время освобождены от предоставления патентной охраны фармацевтических продуктов до 2033 года. Следовательно, для таких стран нет необходимости принимать меры по приостановлению действия патентной охраны фармацевтической продукции¹⁷³.

---

¹⁷³ Ibid. См. также *Oke E. K.* Can States Invoke the National Security Exception in the TRIPS Agreement in Response to COVID-19? URL: <https://www.afronomiclaw.org/2020/10/06/can-states-invoke-the-national-security-exception-in-the-trips-agreement-in-response-to-covid-19/>.

IX. МОРСКОЕ ПРАВО И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ВОПРОСЫ

---

79. Как было отмечено в обзоре от 28 апреля 2020 года¹⁷⁴, вспышка COVID-19 привела к значительным проблемам в глобальной судоходной отрасли, связанным со сменой состава экипажей кораблей. Международная морская организация (далее — «ИМО») указывает, что ввиду введённых и до сих пор не отменённых государствами ограничений большое число моряков вынуждены продлевать свою службу на борту судов после многих месяцев пребывания в море, не имея возможности быть заменёнными после длительных командировок или быть репатриированными самолётами в свои родные страны¹⁷⁵.

80. Отмечается, что судоходство имеет жизненно важное значение для поддержания глобальных цепочек поставок, однако сложившаяся на сегодняшний день ситуация представляет собой риск для благополучия экипажа судна и безопасности морской торговли. В связи с этим в дополнение к рекомендациям ИМО от 27 марта 2020 года относительно мер по содействию государствами-членами смене экипажей судов в морских портах во время пандемии COVID-19¹⁷⁶ ИМО был опубликован план действий «Рекомендуемые рамки протоколов для обеспечения безопасных смен экипажей судов и поездок во время пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹⁷⁷.

81. В последнем документе была подчеркнута необходимость строгого соблюдения моряками требований к тестированию и карантину в условиях пандемии COVID-19. Обращается также внимание на то, что, если моряки чувствуют себя плохо или подозревают наличие симптомов COVID-19, они не должны начинать или продолжать работу в море. В документ были также включены дополнительные рекомендации по предотвращению заражения на борту, когда моряки присоединяются к команде на судне¹⁷⁸.

---

¹⁷⁴ Центр международных и сравнительно-правовых исследований. COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. С. 21–22. П. 51–55.

¹⁷⁵ IMO. Recommended Framework of Protocols for ensuring safe ship crew changes and travel during the Coronavirus (COVID-19) pandemic. Circular Letter No.4204/Add.14/Rev.1. 5 October 2020. P. 1. URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/COVID%20CL%204204%20adds/Circular%20Letter%20No.4204-Add.14%20-%20Coronavirus%20\(Covid-19\)%20-%20Recommended%20Framework%20of%20Protocols.pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/COVID%20CL%204204%20adds/Circular%20Letter%20No.4204-Add.14%20-%20Coronavirus%20(Covid-19)%20-%20Recommended%20Framework%20of%20Protocols.pdf).

¹⁷⁶ IMO. Coronavirus (COVID-19) – Preliminary list of recommendations for Governments and relevant national authorities on the facilitation of maritime trade during the COVID-19 pandemic. Circular Letter No.4204/Add.6. 27 March 2020. URL: <https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/Circular%20Letter%20No.4204Add.6%20%20Coronavirus%20Covid-19%20Preliminary%20List%20of%20Recommendations.pdf>.

¹⁷⁷ Recommended Framework of Protocols for ensuring safe ship crew changes and travel during the Coronavirus (COVID-19) pandemic. Op cit. Annex.

¹⁷⁸ Ibid. P. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ПО ОБЗОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ «COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО» (ВЫПУСКИ 1-4)

---

1. Пандемия COVID-19 изменила мир, затронув практически каждую область человеческих отношений, в том числе оказала влияние на международное право.
2. Уже с января 2020 года эксперты стали активно обсуждать роль международного права в контексте пандемии COVID-19. В множестве публикаций внимание уделялось, в том числе, следующим вопросам: международная ответственность государства, право международной безопасности, международное сотрудничество, международное экологическое право, права человека, международное трудовое право, миграционное право, права беженцев, международное гуманитарное право, международное уголовное право, международное инвестиционное право, право ВТО и морское право.
3. Вопросы **международной ответственности государств** во многом связывались с рассмотрением возможности привлечения Китая к международной ответственности за нарушение статей 6 и 7 ММСП. В этом ключе анализировались основания для привлечения этого государства к ответственности, обсуждалась проблематика установления связи между предположительно противоправным деянием Китая и его последствиями, в связи с чем рассматривались имеющиеся у ВОЗ рычаги воздействия на правительство Китая с целью получения подробной информации о происхождении вируса SARS-CoV-2. Кроме того, указывалось на юрисдикционную проблему предъявления требований к Китаю, и были выдвинуты идеи создания Международной комиссии по расследованию COVID-19 и задействования обязательной процедуры урегулирования споров, предусмотренной Чикагской конвенцией. Была также изучена возможность введения контрмер против Китая, а также проанализированы возможные формы возмещения вреда с его стороны.
4. Помимо ответственности Китая, была произведена оценка соответствия действий государств в ответ на пандемию COVID-19 международно-правовым обязательствам в рамках ММСП. Более того, была рассмотрена возможность квалификации пандемии COVID-19 как обстоятельства, исключающего международную противоправность деяния. В качестве таких обстоятельств были рассмотрены форс-мажор, состояние необходимости и бедствие.
5. **Право международной безопасности** было затронуто в контексте кибератак, направленных, во-первых, против систем здравоохранения ряда стран во время пандемии, а, во-вторых, на получение информации, связанной с разработкой и испытанием вакцины от COVID-19. В этой связи был проведён анализ принципов и норм международного права, обеспечивающих защиту государств от подобных атак, и внесено предложение о принятии новой нормы об ответственном поведении государств в киберпространстве.
6. Отдельное внимание было уделено анализу принятой СБ ООН резолюции № 2532 об угрозе COVID-19 международному миру и безопасности и её последствиям. Также была выражена обеспокоенность в связи с возникновением новых направлений деятельности террористов, обусловленных принятием мер по борьбе с COVID-19. Кроме того, были

проанализированы возможные сложности, с которыми могут столкнуться террористические группы в период пандемии.

7. **Международное сотрудничество** главным образом связывалось с предусмотренными ММСП мерами по предупреждению чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, их недостатками, а также в целом с проблемой применения ММСП на практике. Указывалось как на недостаточный и даже иллюзорный характер международного сотрудничества между государствами в борьбе с COVID-19, так и на несостоятельность международных организаций в принятии эффективных мер реагирования на пандемию. Отдельно было отмечено, что в соответствии с международным правом прав человека обязанность по международному сотрудничеству возлагается не только на государства и международные организации, но и на частных акторов.

8. Помимо критической оценки деятельности ВОЗ, обсуждалась возможность улучшения скоординированного международного реагирования на распространение инфекционных заболеваний как между ВОЗ и другими международными организациями, так и между отдельными государствами, за которыми в некоторых случаях остаётся право принимать действия, выходящие за рамки рекомендаций ВОЗ. Было высказано мнение, что принятие мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций, подобных пандемии, также должно основываться на положениях Сендайской Рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы, а также Статей о защите людей в случае стихийных бедствий 2016 года.

9. Кроме того, была выдвинута идея принятия нового универсального договора в сфере охраны здоровья. Также в качестве положительного был отмечен пример ЕС как объединения, нашедшего пути для принятия скоординированных мер и объединения ресурсов в целях обеспечения быстрых и непрерывных поставок критически важных товаров в период пандемии.

10. В рамках **международного экологического права** внимание было уделено недостаткам Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, 1973 года в регулировании такой торговли и необходимости её реформирования для предотвращения возникновения следующей пандемии.

11. Воздействие пандемии на **права человека** было рассмотрено в контексте ограничительных мер, введённых государствами в связи с распространением COVID-19, их влияния на права и свободы человека. Подобные меры связаны с ограничениями прав и/или отступлениями государств от своих обязательств по правам человека в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и ЕКПЧ. Подробно были рассмотрены вопросы, связанные с ограничением следующих прав: на жизнь, на свободу передвижения, на неприкосновенность частной жизни, на свободу слова, на справедливый суд, на свободу от дискриминации, на здоровье, на воду, на социальное обеспечение. В контексте ЕКПЧ были рассмотрены позитивные обязательства государств по защите прав человека, а также проанализирована необходимость отступления членом Совета Европы от положений ЕКПЧ в чрезвычайных ситуациях.

12. Отдельно были рассмотрены сложности, с которыми во время пандемии сталкиваются наиболее уязвимые группы населения: лица, лишённые свободы, женщины, люди с инвалидностью, коренные народы, трудящиеся на производствах.

13. Было отмечено, что пандемии подобного рода легитимизируют репрессивное поведение государств, в связи с чем указывается на возможное увеличение числа нарушений прав человека. В этой связи указывается на исключительную важность деятельности правозащитных организаций.

14. Кроме того, была затронута проблема соблюдения прав человека частными компаниями, привлекаемыми государствами для оказания ряда услуг населению. Было указано на обязанность соблюдения обязательств «должной осмотрительности» как частными компаниями, так и самими государствами.

15. В рамках **международного трудового права** было указано на важность социального диалога между работниками, работодателями и государством в борьбе с последствиями пандемии COVID-19, а также приведены примеры его реализации.

16. В контексте **миграционного права** было указано на проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в условиях пандемии. В частности, ввиду условий проживания и работы они подвержены большему риску заражения вирусом, подвергаются ксенофобии и дискриминации. Также была рассмотрена проблема обеспечения безопасности мигрантов при их трансграничной мобильности после окончания пандемии COVID-19.

17. В рамках **права беженцев** был рассмотрен вопрос о соответствии введённых многими странами ограничительных мер по пересечению границ принципу невыдворения.

18. В свете **международного гуманитарного права** внимание было уделено таким связанным с пандемией вопросам, как положение медицинского персонала и уязвимых категорий лиц, доступ к воде, гуманитарная помощь, осуществление публичной власти негосударственными вооружёнными группами и обеспечение ими обязательств в отношении населения, проживающего на контролируемых ими территориях, а также обязательства оккупирующих держав.

19. Положения **международного уголовного права** были проанализированы в контексте возможности квалификации действий Президента США по роспуску целевой группы Белого дома по коронавирусу в качестве преступления геноцида.

20. В контексте **международного инвестиционного права** внимание было обращено, главным образом, на проблему защиты прав иностранных инвесторов. В частности, были рассмотрены механизмы защиты их прав в контексте введения государствами мер по борьбе с COVID-19, а также исключения из стандартов такой защиты в целях соблюдения интересов государства. Кроме того, была исследована возможность заявления компаниями требований о компенсации ожидаемой будущей прибыли вследствие введённых государствами ограничительных мер и ущерба, нанесённого инвестициям.

21. **Право ВТО** было затронуто в свете оснований для введения государствами ограничительных мер на экспорт ряда товаров во время пандемии. Отдельно была проанализирована применимость Соглашения о санитарных и фитосанитарных мерах ВТО в отношении торговых ограничений, связанных со здоровьем населения. Также были исследованы вопросы, связанные с транспарентностью мер, затрагивающих осуществление торговли, и недопустимостью дискриминации при субсидировании компаний.

22. Восстановление экономик стран после пандемии было рассмотрено сквозь призму многостороннего сотрудничества государств в области торговли, в том числе лекарствами и медикаментами. В целях усиления такого сотрудничества особое внимание было уделено Соглашению ВТО об упрощении процедур торговли, связанным с его имплементацией реформам национальных правил и процедурам в этой сфере.

23. Кроме того, право ВТО подверглось анализу в контексте защиты интеллектуальной собственности. В частности, были рассмотрены статьи 31 и 73 ТРИПС, положения которых могут быть использованы для обеспечения доступа населения к лечению от COVID-19. Были приведены аргументы, объясняющие, почему обращение к положениям статьи 73 может

оказаться бесполезным для некоторых стран во время настоящей пандемии. Было также обращено внимание на возможность возникновения трудностей, связанных с производством и распространением будущей вакцины от COVID-19.

24. В контексте **морского права** были рассмотрены вопросы, связанные с рекомендациями международных организаций и органов межгосударственных объединений по противодействию пандемии в сфере осуществления международной морской торговли и принятыми государствами мерами по ограничению доступа в их порты. Кроме того, была поднята проблема задержек в смене состава экипажей кораблей, которая представляет собой риск для благополучия экипажа судна и безопасности морской торговли. В связи с этим государствам были даны рекомендации по обеспечению безопасных смен экипажей судов и поездок во время пандемии COVID-19.

